

ЭССЕ

И. Арзамасцева

ШКОЛА ДЛЯ БУРАТИНО, ИЛИ «ГРУСТНЫЕ И ПРОЗРАЧНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ»

Все «взрослые» прочтения, сколь бы точны или вольны они ни были, не могут дать ответа на вопрос о природе детскости «Золотого ключика». Как бы то ни было, дети-читатели не обратили ни малейшего внимания на страсти взрослых, они приняли Буратино, Мальвину, Пьеро, Артемона и даже Арлекина в круг лучших друзей — и хорошо сделали. Сказка зажила собственной жизнью, а история «Золотого ключика» все-таки лучше, радостнее изложена автором в том самом предисловии.

В пестрой ткани сказки есть, пожалуй, два фрагмента, производящие впечатление абсолютных эмблем детства — лужайка Мальвины и пруд Тортиллы. Игрушечные статуэтки советской поры во множестве представляли Буратино на листе кувшинки: в этом образе подчеркивалось и мальчишеское счастье и готовность к новым проказам. Мальвину изображали чаще всего на фоне белого домика, среди цветов и бабочек — в основном, этому сюжету отдавали предпочтение девочки в своих рисунках к сказке.

Именно этим картинам писатель несколькими точными штрихами придал наивное очарование и привнес в них нечто из самого сердца, из глубин памяти. Истоки ностальгии по утраченному Эдему восходят к раннему творчеству писателя, к произведениям о родном Заволжье.

Повесть «Петушок (Неделя в Туренева)»:

После ужина Николушка вышел в сад, глубокий и сырой под ясным месяцем, настроившим меланхолично томные голоса древесных лягушек. Резко и нахально врываясь в их хор, кричала квакуша, охваченная любовной тоской. На поляне, уходящей вниз, к реке, путался в траве туман.

Николушка вошел в полустгнившую беседку над заводью, куда каждую весну подходила Волга, и, чиркнув спичкой, спугнул бестолково завожившихся под крышей голубей.

Отсюда видны были поемные луга с клубами тумана над болотами, черная груда ветел у мельничной запруды и далеко, на самом горизонте, высокая, сияющая местами, как чешуя, длинная полоса Волги.

Вдыхая ночной запах травы, земли и болотных цветов, Николушка вспомнил давнишнее. И то, что было, и то, что, быть может, видел он во сне — ребенком, — смешалось неразрывно в грустные и прозрачные воспоминания [Толстой, 1951, с. 259].

В той же повести расстилаются «далеко ушедший туман детства» [Там же, с. 269], «дымные луга» [Там же, с. 263].

В рассказе «Мечтатель (Аггей Коровин)» переплетаются те же мотивы:

...поляна сада, где широко разрослись одичавшие розы, и две полукруглые аллеи, и старые яблони, и куртины сирени, окаймленные петуниями, ромашками, резедой [Толстой, 2014, с. 1].

Ночь закрыла полосу заката. Возникли звуки, всегда таинственные, как будто сама темнота шевелилась в кустах, ломала ветку и меланхолично ухала вдруг далеко за прудом, где, сидя на пловучих листьях, пели, надув брюшки, маленькие лягушки [Там же, с. 2].

Пруд служит музыке ночью, а днем, в свете солнца, пруд — отличное место для детей и их наставников. Можно сказать, ночью — пруд артистический, мир чистого искусства, а днем — пруд педагогический, школьный.

Если перед нами роман для детей (в чем есть поводы усомниться), то это роман воспитания, точнее, пародия на него. При этом настоящей целью пародирования в этом жанровом аспекте, на наш взгляд, являлась для автора современная школа. Не будем забывать о том, что в пору работы над «Золотым ключиком» Алексей Николаевич — отец двух сыновей, младшему из которых в 1933 г., когда был подписан договор с Детгизом, исполнилось десять лет. В это время советская школа переживает очередные болезненные реформы. Для старшего сына отцом был создан настоящий шедевр — «Детство Никиты»¹, первая публикация повести была задумана в итальянском журнале. Разве младшему сыну не полагалось произведение, эстетически равноценное, с отчетливым мотивом школы жизни и школы в обычном ее понимании?

Буратино проходит через несколько школ. Первая из них — так сказать, домашняя, это назидания папы Карло и Говорящего

Сверчка. Вторая — театр, точнее, театры. Еще есть странная до фантазмагории школа Мальвины, есть школа мошенников и, наконец, школа пруда.

Эпизод, когда Буратино продает свою красивую азбуку и покупает билет в кукольный театр, помимо прямой аналогии со сказкой-источником, имеет, на наш взгляд, области сближения с экспериментальными формами школы.

Классическая школа, построенная Я.-А. Коменским по принципу классно-урочной системы и созданная для доиндустриального общества, в условиях XX в.

начала переживать кризис, что и вызвало поиск новых образовательно-педагогических принципов и форм образования.

К нач. XX в. Германия сделала основным поставщиком новых педагогических теорий и школьных технологий, захватила она и большую часть детского книжного рынка в Европе и в России.

Уроки Мальвины наглядно доказывают бесполезность классно-урочной школы и нежизненность связанной с нею утопической концепции «золотого детства». Буратино, не видящий логики в задачке о двух яблоках, вне пределов лужайки Мальвины отлично считает свои сольдо.

В европейских странах (прежде всего Германии с ее высоко развитыми школьными технологиями и авторитетными педагогическими системами) бытовала идея о том, что театр как синтетическое искусство может заменить скучные занятия и повысить эффективность традиционной классно-урочной школы.

С. Ауслендер в статье-предисловии к сборнику сценариев для детского самодеятельного театра (1927) развивает подобные идеи, не будучи автором оригинальных идей, а лишь подхватив официальную директиву². Он критикует старую школу:

Усадить ребят за парты, установить строгую тишину и начать обучать — в этом и до сих пор еще часто на практике основные «методы школьной работы».

Илл. 1. Иллюстрации Б. Малаховского к изданию 1936 г.

Сама обстановка школы и обучения до сих пор не связана с обычной, житейской обстановкой ребят, во всем есть нечто особое, нарочитое, «школьное».

Конечно, еще далеким идеалом представляется то время, когда школа будет просторным, светлым, теплым домом <...>, где <...> ребята будут не специально «обучаться» чему-то скучному и принудительному, а прежде всего жить радостно, свободно и напряженно-интересно, где они будут проводить самые значительные и увлекательные часы своей жизни, часы, не вырванные искусственно из общей жизни.

Но все же творчество новой школы направлено к осуществлению этого идеала [Ауслендер, Бонди, 1927, с. 3].

Среди сценариев, в основном политизированных, предлагается и «Балда (По Пушкину)»:

Балда требует платы, вытаскивает испуганного попа левой рукой за плечо, а правой дает щелчки. Первый щелчок (за сценой всякий раз удар) — поп подпрыгивает или кувыркается («От первого щелчка прыгнул поп до потолка» — Пушкин). Второй щелчок — поп начинает бормотать что-то языком («От второго щелчка лишился поп языка»). Третий щелчок — поп на четвереньках бежит по сцене и убегает, сопровождаемый охающей попадшей и поповной («От третьего щелчка вышибло ум у старика»). Балда приговаривает с укоризной: «не गया бы ты, поп, за дешевизной». Надевает шапку и уходит.

Примечание: Чтобы сцена расправы с попом не вышла слишком грубой и жестокой, ее нужно вести в преувеличенно-комических, почти клоунских тонах [Ауслендер, Бонди, 1927, с. 95].

Пьеса, идущая в театре Карабаса Барабаса, — «Девочка с голубыми волосами, или Тридцать три подзатыльника» — отличается как раз грубостью и жестокостью, несмотря на то, что представлена балаганно-комически. Благая идея — оживить школу искусством — была в советской системе просвещения 1920-х гг. извращена, подчинена политпропаганде. Толстовский Арлекин дает пощечины и подзатыльники, бьет палкой Пьеро, только что уверявшего публику: «Это очень смешная комедия». Да и в названии «комедии» явное нарушение, вернее, разрушение старой сказки, где царили девочки-феи, и подмена ее сказкой пропагандистской, с пафосом классовой эксплуатации и борьбы.

Другой идеей, кстати, подхваченной и развитой русской школой еще в предреволюционные годы, была идея о том, что уроки биологии лучше проводить не в классе, прибегая к чучелам и таблицам, а на природе, и что лучше всего объяснять биоценоз в погожий день на берегу ближайшего к школе пруда. Эта методика была обоснована

в Германии и привита в России прежде, чем русские ученые-биологи признали саму идею биоценоза³. Обычная бытовая картинка того времени — класс с учителем во главе, вооружась сачками и банками, знакомится с населением местного пруда.

Толстой прибегает к учебно-научному лексикону, сведениям по биоценозу, создавая пародийно-игровое пространство:

Илл. 2. Иллюстрации Б. Малаховского к изданию 1936 г.

Вокруг него [Буратино. — *И. А.*] собрались обитатели пруда: всем известные своей глупостью черные пузатые головастики, водяные жуки с задними лапами, похожими на весла, пиявки, личинки, которые кушали все, что попадалось, вплоть да самих себя, и, наконец, разные мелкие инфузории.

Головастики щекотали его жесткими губами и с удовольствием жевали кисточку на колпаке. Пиявки заползли в карман курточки. Один водяной жук несколько раз влезал на его нос, высоко торчавший из воды, и оттуда бросался в воду — ласточкой.

Мелкие инфузории, извиваясь и торопливо дрожа волосками, заменявшими им руки и ноги, пытались подхватить что-нибудь съедобное, но сами попадали в рот к личинкам майского жука.

Буратино это, наконец, надоело, он зашлепал пятками по воде:

— Пошли прочь! Я вам не дохлая кошка [Толстой, 1986, с. 56].

Эпизод на пруду особенно популярен у детей-читателей, они с особым удовольствием воображают себя на листе водяной лилии в окружении «хладнокровных», но таких сердечных лягушек. Допускаем, что в тексте эпизода нашли выражение и никогда не отпущавшие Толстого воспоминания о заволжском детстве.

Источники

Ауслендер С. Работа по драматизации в школе I ступени // С. Ауслендер и С. Бонди. Театр для детей. Сборник сценариев. М.-Л. : Государственное издательство, 1927.

Боркин Л. Я. Преподавание биоценологии в России и школьная педагогика // Биосфера. Междисциплинарный научный и прикладной журнал. 2010. № 1. С. 262–277.

Кричагин Н. А. Естествоведение в средней школе // Педагогический сборник. СПб., 1890. Кн. 288. Декабрь. С. 278–285 (приложение).

Толстой А. Н. Полное собрание сочинений. Т. 1. М. : Гос. изд-во худож. лит.-ры, 1951.

Толстой А. Н. Золотой ключик или Приключения Буратино. М. : Сов.Россия, 1986.
Толстой А. Н. Мечтатель (Аггей Коровин). М. : ФТМ лтд., 2014 (электронный формат).

Примечания

¹ В 1922 г. в Берлинском издательстве «Геликон» под названием «Повесть о многих превосходных вещах»; под названием «Детство Никиты» повесть вышла в издательстве «Академия» в 1934 г.

² «Поэтому следует признать весьма важным и значительным шагом на пути строительства новой школы попытку подсекции художественного воспитания Научно-Педагогической Секции ГУС'а увязать все области искусства с школьной работой и наметить программы по всем годам обучения первой ступени» [Ауслендер, Бонди, 1927].

³ Немецкий учитель начальной школы Фридрих Юнге опубликовал двухтомник «Естественная история в народной школе». Первая часть — «Деревенский пруд как сообщество» (1885) имела невероятный успех, была переиздана в 1891 г. и фактически вызвала революцию в преподавании биологии в немецких школах, была подхвачена русскими педагогами в 1890-е гг. — даже раньше, чем русским научным сообществом сама идея биоценоза. Вместо скучного и утомительного для школьников систематическо-морфологического метода с большим количеством малопонятных научных названий и с догматическим кабинетным преподаванием «мертвых» организмов Ф. Юнге предложил так называемый «биоцентрический» метод.

В России развернулась дискуссия. «Педагог Н. А. Кричагин в своем докладе «Естествоведение в средней школе» указал «на бесконечные споры» вокруг программы любого учебного предмета. По его мнению, настала пора оставить обычные приемы и изучать естественные тела в их естественной обстановке и в их взаимных отношениях» [Кричагин, 1890, с. 284].

Обсуждение доклада Кричагина разделило участников на две группы. Одна из них во главе с Д. Н. Кайгородовым поддержала докладчика и признала другие методы, кроме изучения природы в естественной обстановке, искусственными [Там же, с. 285].

См. *Боркин Л. Я.* Преподавание биоценологии в России и школьная педагогика [Боркин, 2010].